

УДК 347.61

О.М. Пономаренко

**К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Анотація. Стаття є другою працею в циклі публікацій, які присвячені визначенню місця сімейного права у системі права України. Її метою є дослідження сімейних відносин щодо наявності в них ознак, які властиві цивільним відносинам, що дозволить визначити їх галузеву належність.

Ключові слова: галузь права; підгалузь права; предмет правового регулювання; юридична рівність; вільне волевиявлення; майнова відокремленість.

Аннотация. Статья является второй работой в цикле публикаций, посвящённых определению места семейного права в системе права Украины. Её целью является исследование семейных отношений на предмет наличия у них признаков, свойственных гражданским отношениям, что позволит определить их отраслевую принадлежность.

Ключевые слова: отрасль права; подотрасль права; предмет правового регулирования; юридическое равенство; свободное волеизъявление; имущественная обособленность.

Abstract. The article is the second work in a series of publications devoted to the definition of the place of family law in the legal system of Ukraine. Its purpose is to study family relationships are inspected for signs are typical of civil relations, which will determine their various branches.

Keywords: branch of law, law sub-sector, the object of legal regulation, legal equality, free will; property isolation.

В первой своей статье, посвященной исследованию места семейного права в системе права Украины [13; с. 15–22], мною была обозначена основная концепция настоящей работы. В частности был сделан вывод о том, что поиск ответа на вопрос об определении места семейного права в системе права Украины следует вести путем соотношения признаков гражданского и семейного права. Общеизвестно, что одним из признаков, определяющих самостоятельность отрасли права, является предмет правового регулирования. В этой связи данная работа будет посвящена исследованию семейных отношений как предмета правового регулирования, а именно их соотношению с гражданскими отношениями.

Семейные отношения, т.е. отношения, складывающиеся в семье, разнообразны по своему существу. Все они могут быть разделены на два вида – личные и имущественные. При этом не вызывает сомнения тот факт, что личные отношения в семейной жизни являются первоначальными и преобладающими. Однако далеко не все из семейных отношений способны быть урегулированы правом.

На невозможность и нецелесообразность правового регулирования всех семейных отношений ученые обратили внимание уже давно. Так, например, Г.Ф. Шершеневич писал: «Физический и нравственный склад семьи создается

помимо права. Введение юридического элемента в личные отношения членов семьи представляется не всегда удачным и чаще всего не достигающим цели» [19; с. 528]. А.И. Загоровский же подчеркивал, что «в отношениях семейных мера и счет прав затруднительны в силу особых свойств этих отношений, больше моральных, чем юридических. Отсюда регулирование правом отношений семейных гораздо труднее, чем отношений имущественных» [3; с. 2]. К.П. Победоносцев также указывал, что семейные отношения несравненно в меньшей степени, чем все другие, поддаются и подлежат юридическим определениям: именно по своей цельности, именно потому, что в них много элементов, которые не может и не должно обнимать юридическое определение, как не может оно опуститься в глубину совести и нравственного чувства» [10].

На неспособность всех семейных отношений быть подвергнутыми правовому воздействию обращают внимание и современные ученые. Так, И.В. Жилинкова писала, что право влияет лишь на те отношения, которые по своей природе воспринимают нормативно-организационное влияние и нуждаются в правовой регламентации [17; с. 140]. Именно последние и составляют предмет правового регулирования.

Познание сущности определенного вида общественных отношений является первоочередной задачей в процессе правового регулирования. Выявление специфики семейных отношений даст основание для определения их места в системе общественных отношений и предопределяет выбор приемов и способов регулирования этих общественных отношений. При этом необходимо иметь в виду, что общественные отношения, складывающиеся в гражданском обществе, как правило, объективны и задачей юридической науки является познание сущности семейных отношений.

Стоит отметить, что работа в этом направлении ведется очень активно. Исследованию семейных отношений как предмета правового регулирования посвятили свои труды такие ученые, как М.В. Антокольская, Ю.П. Егоров, И.В. Жилинкова, О.Ю. Косова, З.Н. Ромовская, Н.Н. Тарусина, В.И., Труба, Я.Н. Шевченко и другие. Однако, несмотря на титаническую исследовательскую работу, проведенную в этом направлении, до сегодняшнего времени не выработано единство во мнениях о сущности семейных отношений. Наиболее дискуссионным является вопрос об определении места семейных отношений в системе частных отношений. Здесь можно выделить два основных научных направления. Сторонники первого рассматривают семейные отношения как самостоятельный вид частных отношений. Приверженцы второго считают семейные отношения частью гражданских отношений. Несмотря на то, что вопрос о месте семейных отношений затрагивается практически в каждой работе, посвященной семейному праву, все же он не утратил своей актуальности и мы не можем обойти его стороной.

В соответствии со ст. 1 ГК Украины, гражданскими отношениями являются личные неимущественные и имущественные отношения, основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении, имущественной самостоятельности их участников. Таким образом, гражданским отношениям присущи три

сущностных признака. Руководствуясь правилами логики о соотношении понятий, а именно, тем, что если подчиняющему понятию свойственен какой-то признак, этот же признак мы обязательно находим в подчиненном понятии [16; с. 97], можно сделать вывод, что если все эти признаки присущи и семейным отношениям, то они являются видом гражданских отношений. И наоборот, при отсутствии какого-то одного признака, семейные отношения нельзя рассматривать как часть гражданских.

Первым признаком гражданских отношений является признак юридического равенства сторон. Ни у кого не вызывает сомнения наличие этого признака у гражданских отношений, так как он непосредственно вытекает из частно-правовой их сущности. В тоже время вопрос об определении понятия этого признака является достаточно дискуссионным. Не ставя перед собой задачу исследования всех существующих мнений по этому вопросу, в рамках данной работы хотелось бы отметить, что наиболее распространенным является раскрытие признака юридического равенства через характеристику взаимоотношений субъектов. При таком подходе юридическое равенство понимается как «такое положение субъектов, при котором отсутствует властное подчинение одного другому» [9; с. 6].

Раскрывая сущность этого признака необходимо, отметить, что в цивилистике особо обращается внимание на то, что юридическое равенство не сопровождается равенством фактическим [4, с. 76; 7, с. 289]. Так, нельзя говорить о фактическом равенстве кредитора и должника, особенно в односторонних обязательствах, например, таких как займ, деликтные обязательства. Они не равны так же, как не равны обладатель обязанностей и обладатель прав. В этой связи вполне справедлива оговорка о том, «юридическое равенство участников гражданских отношений нельзя отождествлять с равным набором их субъективных прав» [11; с. 18] и обязанностей. Более того, не будет преувеличением сказать, что фактическое равенство между субъектами гражданских отношений практически всегда отсутствует. Может ли существовать равенство между кредитором и кредитополучателем, сособственником, которому принадлежит 75 % в праве общей долевой собственности и сособственником, которому принадлежит 25% и т.п? Именно поэтому гражданским отношениям имманентен признак не фактического равенства, а юридического равенства.

Имея ввиду именно такое содержание юридического равенства как признака гражданских отношений, необходимо проанализировать его наличие в семейных отношениях. Если, как уже отмечалось, имманентность юридического равенства гражданским отношениям не ставится под сомнение, то вопрос о наличии в семейных отношениях этого признака является достаточно дискуссионным. На отсутствие равенства в семейных отношениях указывали и дореволюционные ученые, и ученые советского периода [2, с. 11], указывают и современные цивилисты. Для дореволюционного периода развития науки гражданского права такое отрицание было обусловлено тем, что в тот период на законодательном уровне закреплялась власть родителей над личностью и имуществом детей. Так, например, в ст. 164 Свода законов гражданских Российской империи 1832 года было закреплено: «Власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста...»

Ни советское, ни современное законодательство не наделяет родителей властными полномочиями по отношению к своим детям. Нельзя не отметить, что в ч. 1 ст. 172 СК Украины закреплены некоторые обязанности детей (совершеннолетних дочери и сына) по отношению к родителям. Так, несовершеннолетние дети обязаны заботиться о своих родителях, проявлять по отношению к ним заботу и оказывать помощь. Однако, как видно, из формулировки статьи 172 СК Украины, ни о каком властном подчинении детей своим родителям речь не идет. Несмотря на это, некоторые современные ученые, вслед за учеными советского периода, продолжают настаивать на отсутствии равенства в отношениях между родителями и детьми [18, с. 28].

Например Н.Н. Тарусина пишет, что «эмансипация и на ее основе эгалитаризация брака закрепили начало равноправия, но не привели к формальному равенству супруга и супруги – ввиду объективной невозможности полного отождествления их как субъектов» [8, с. 32]. О.Ю. Косова же задает вопрос: «Уместно ли говорить, например, о равенстве сторон и автономии воли применительно к взаимоотношениям родителей и малолетних детей?» и, отвечая на него, пишет: «Сами по себе возрастные различия между ними, уровень умственного и физического развития, обладание разным жизненным опытом позволяют родителям оказывать влияние на формирование личности ребенка, именно поэтому семейное законодательство предоставляет право воспитывать своих детей и одновременно возлагает на них обязанность по воспитанию ребенка. Вряд ли в гражданском праве можно обнаружить правовое отношение, в содержание которого входило бы право одной стороны воздействовать на личность другой» [6, с. 31–33]. По моему мнению, отвечая на вопрос, поставленный О.Ю. Косовой, можно утверждать, что о фактическом равенстве во взаимоотношениях родителей и детей, безусловно, говорить неуместно, так как физическое, интеллектуальное и психологическое развитие ребенка и родителя безусловно отличаются. Однако, когда говорят о равенстве как предметном признаке семейных отношений, имеется в виду, не фактическое, а как уже выше отмечалось, юридическое равенство, которое предполагает отсутствие подчинения одного субъекта другому, наделенному государством властными полномочиями. Как точно отмечала И.В. Жилинкова «отношения, регулируемые нормами семейного права, возникают между лицами, которые объективно являются равными между собой. Не составляют исключения отношения с участием несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи и родственников» [17, с. 141].

Ни родители, ни дети, ни другие субъекты семейных отношений не наделяются государством властными полномочиями. Наличие юридического равенства в семейных отношениях на законодательном уровне проявляется в частности в том, что в качестве одного из основополагающих принципов семейно-правового регулирования, в ч. 2 ст. 7 СК закреплён принцип возможности их регулирования посредством договоренности (договора) между их участниками. Заключение договора же возможно исключительно между юридически равными субъектами.

Имманентность юридического равенства семейным отношениям проявляется также и в том, что их субъектами могут быть исключительно физические лица. Ни органы регистрации актов гражданского состояния, ни органы опеки и попечительства ни при каких условиях участниками семейных отношений не становятся. В этой связи, хотелось бы особо обратить внимание на то, что предмет законодательного регулирования и предмет отрасли права могут значительно отличаться. Так, например, процедура регистрации брака регламентируется СК Украины, однако эти отношения составляют предмет административного права, а не права семейного. Поэтому, не смотря на то, что семейным законодательством достаточно часто регламентируются процедурные, процессуальные отношения они не составляют предмет семейного права, а имеют иную, публично-правовую природу, в этой связи их исследование должно представлять интерес не для цивилистов, а для специалистов в области публичного права.

Следующим признаком гражданских отношений является их основанность на свободном волеизъявлении. Этот признак обусловлен признаком юридического равенства сторон. Если субъекты гражданских правоотношений по отношению друг другу выступают как самостоятельные юридически равные лица, то следовательно и решения о совершении юридически значимых действий они должны принимать исключительно по доброй воле. Именно поэтому основным регулятором частных отношений является договор как источник реализации воли субъектов.

Стоит однако отметить, что некоторые гражданские правоотношения возникают независимо от воли субъектов, а иногда и вопреки их воли. Например, деликтные правоотношения возникают из факта причинения вреда, при этом воля правонарушителя на возникновение правоотношения не влияет. Но даже деликтным правоотношениям присущ признак свободного волеизъявления. Он проявляется в том, что осуществление субъективного права на возмещение вреда зависит исключительно от воли кредитора, размер возмещения может определяться по согласованию сторон и т.д. Поэтому анализируя имущественное или неимущественное отношение на предмет наличия признака свободного волеизъявления, нельзя ограничиваться исключительно моментом возникновения отношения, а следует обращать внимание и на особенности осуществления гражданских прав и исполнение обязанностей, на возможность прекращения или изменения по воле субъектов и т.д.

Признак основанности семейных отношений на свободном волеизъявлении в семейно-правовой литературе часто отвергается. Так, С.Ю. Чашкова пишет: «В ряде случаев автономия воли субъектов семейного права весьма условна (отношения, связанные с участием детей)... В силу возраста несовершеннолетнего невозможно предположить наличие у него полноценно сформированной воли с учетом осознания им своих интересов и потребностей, а также с учетом интересов других лиц. Это обусловлено вполне естественными причинами, связанными с недостаточной психической зрелостью ребенка» [18, с. 29]. Однако с таким утверждением невозможно согласиться по следующим основаниям.

Во-первых, признак основанности на свободе волеизъявления свидетельствует прежде всего о том, что субъекты или вступают в семейные правоотношения по своей воле, либо способны осуществлять субъективные права по своей воле в уже возникших правоотношениях. Это признак вполне обоснованно в науке рассматривают как аналог «личной свободы, предоставленной субъектам права» [5, с. 52] М. М. Агарков же, раскрывая сущность частного права, писал: «Всякое частное право наделяет своего субъекта определенными возможностями, которыми он может так или иначе воспользоваться по личному своему усмотрению. Сам субъект является источником целеполагания и может распорядиться этими возможностями для им самим поставленных целей» [1, с. 39], что есть ни чем иным как раскрытием содержания признака свободы волеизъявления (или автономии воли). С учетом сказанного можно прийти к выводу о том, что этот признак соответствует самой сути семейных отношений, так как нет ничего более частного как семейные отношения.

Во-вторых, сам факт участия в семейных отношениях детей, не обладающих полным объемом дееспособности, не может ставить под сомнение имманентность семейным отношениям признака основанности на свободном волеизъявлении. Ведь и в гражданских отношениях не исключается, более того, допускается участие подобных субъектов. Кроме того, как точно отмечала И.В. Жилинкова: «Даже в случае, когда родители действуют от имени ребенка в силу того, что ребенок не в состоянии еще выразить свою волю, они действуют в его, а не в собственных интересах. Родители являются своего рода «юридическим инструментом» выражения воли ребенка» [17, с. 141].

В-третьих, подтверждением наличия рассматриваемого признака в семейных отношениях, является закрепление в СК Украины принципа договорного их регулирования, осуществление которого возможно исключительно при наличии свободы волеизъявления.

Последним признаком гражданских отношений есть их основанность на имущественной самостоятельности участников. С.А. Погребной справедливо отмечает, что «буквальное содержание части 1 ст. 1 ГК Украины может привести к ошибочному выводу о том, что отсутствие у определенного субъекта самостоятельного имущества тянет за собой невозможность отнесения общественных отношений с его участием к гражданско-правовым» [11, с. 20]. Именно к такому выводу пришел Р.О. Стефанчук, доказывая, что личным неимущественным отношениям не присущ признак имущественной самостоятельности, так как «в другом случае нам пришлось бы утверждать, что личности, которые являются самостоятельными в имущественном аспекте, не могут вступать в личностные неимущественные отношения относительно собственной жизни, здоровья, личной неприкосновенности и т.д.» [15, с. 86].

Такой вывод Р.О. Стефанчука на мой взгляд не согласуется с общим учением о субъектах гражданских правоотношений. Как известно, одной из предпосылок участия в гражданских отношениях является обладание правоспособностью.

Способность быть собственником имущества входит в содержание правоспособности, а следовательно, принадлежит любому субъекту гражданских правоотношений, в том числе личных неимущественных, независимо от того, является ли он субъектом правоотношений собственности. Кроме того, личные неимущественные отношения являются по своей природе абсолютным, а следовательно обладатель личного неимущественного права удовлетворяет свои интересы путем совершения активных действий. Если же при осуществлении таких действий им было совершено гражданское правонарушение, то он привлекается к ответственности, которая в гражданском праве является, как правило, имущественной. Таким образом, имущественная самостоятельность субъекту личных неимущественных гражданских прав также необходима, как и субъекту имущественных гражданских прав. В связи с этим, следует согласиться с С.А. Погребным относительно уточнения формулировки этого признака гражданских отношений и «признаком гражданских отношений следует считать не наличие у их субъектов самостоятельного имущества, а их имущественную обособленность один от другого, что как очевидно, не одно и то же» [11, с. 20].

Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемый признак выражается в способности участника гражданских правоотношений иметь имущество, обособленное от имущества остальных участников, что делает его свободным в формировании воли на участие в гражданских отношениях и гарантирует защиту прав кредиторов в случае их нарушений. Наличие признака имущественной обособленности участников семейных отношений оспаривается некоторыми учеными. Так, например, Л.В. Пчелинцева пишет, что «имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, выражают по своей сущности существенную обособленность их участников, их имущественно-распорядительную самостоятельность, автономию воли, эквивалентность связей (товарно-денежные) отношения. Напротив, имущественные отношения в семье – это, прежде всего, отношения общности имущества супругов, отношения детей и родителей по совместному владению и пользованию имуществом друг друга, отношения безэквивалентной материальной помощи и поддержки несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных нуждающихся членов семьи» [13, с. 10–11]. Однако согласиться с высказанным мнением не представляется возможным, так как оно противоречит действующему законодательству. Так, в ст. 173 СК Украины прямо закреплена презумпция раздельности имущества родителей и детей. В отношении же супругов, не смотря на предполагаемую общность имущества, у субъектов всегда существует потенциальная возможность потребовать прекращения права общей совместной собственности и разделить имущество. Кроме того, сами супруги имеют право посредством брачного договора предусмотреть иной правовой режим их имущества. Как точно отмечала И.В. Жилинкова: «Каждый участник семейных отношений является не только равным, но и автономным в имущественном смысле лицом, со своими собственными интересами. Поэтому имущество каждого из них не смешивается с имуществом другого и всегда может быть конкретно определено»

[14, с. 18]. В этой связи, можно сделать вывод о том, что признак имущественной обособленности, в полной мере присущ и семейным отношениям.

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что семейные отношения, также как и отношения гражданские, основаны на юридическом равенстве, свободе волеизъявления и имущественной обособленности их участников. Из этого следует вывод о том, что гражданские отношения являются родовым понятием по отношению к семейным отношениям, а следовательно их правовое регулирование должно осуществляться посредством гражданско-правовых способов и средств и основываться на гражданско-правовых принципах. В то же время такой вывод не исключает наличия у семейных отношений некоторых специфических черт, которые дают основания объединить их в самостоятельный вид гражданских отношений и влияют на особенности их правового регулирования. Исследованию специфических признаков семейных отношений будет посвящена следующая работа в этом цикле публикаций.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012. – 428 с.;
2. Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право. Учебник. – М.: Юрид. лит., 1974 – 304 с.;
3. Загоровский А.И. Курс семейного права/ Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 464 с.;
4. Иванов В.В. К вопросу об общей теории договора // Государство и право. – 2000. – №12. – С. 73–79;
5. Концепция частного и публичного права России: монография / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. – М.: ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2013. – 175 с.;
6. Косова О.Ю. Семейное и наследственное право России: учебное пособие. – М.: Статут, 2001. – 311 с.;
7. Лисюкова Е.А. Пределы свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации и Принципах международных коммерческих договоров // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 4 / Под ред. Проф. М.И. Брагинского. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – С. 287–305;
8. Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения: учебное пособие. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 432 с.;
9. Муиратова С.А., Тарсамаева Н.Ю. Семейное право: Учебное пособие. – М.: Новый Юрист, 1999. – 272 с.;
10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. – М.: Статут, 2003. – 639 с.;
11. Погрібний С.О. Механізм та принципи регулювання договірних відносин у цивільному праві України: монографія. – К.: Правова єдність, 2009. – 304 с.;
12. Пономаренко О.М. Место семейного права в системе права Украины // Збірник наукових праць. Серія «Право». – Вип. 18 – Х.: ХНАДУ, 2012. – С. 15–22;
13. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. Учебник для вузов. – Издательство НОРМА, 2000. – 672 с.;
14. Сімейне право України: підручник / Л.М. Баранова, В.І. Борисова, І.В. Жилінкова та ін.; за заг. Ред. В.І. Борисової та І.В. Жилінкової. – К.: Юринком Інтер, 2006. – 264 с.;
15. Стефанчук Р.О. Особисті немайнові права фізичних осіб (поняття, зміст, система, особливості здійснення та захисту): монографія / Відп. ред. Я.М. Шевченко. – К.: КНТ, 2008. – 629 с.;
16. Строгович М.С. Логика / М.С. Строгович. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 362 с.;
17. Харьковская цивилистическая школа: в духе традиций: монография / под ред. И.В. Спасибо-Фатеевой. – Х.: Право, 2011 – 240 с.;
18. Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. – М.: Российская правовая академия. – 2004. – 197 с.;
19. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – С. 528.